

Bajkova, L. I.; Kazmin, V. V.

Об экспрессивности стилизованных полипредикативных конструкций

Opera Slavica. 1992, vol. 2, iss. 4, pp. 23-28

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116456>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ СТИЛИЗОВАННЫХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Л. И. Байкова, В. В. Казнин

В стилистике сложного предложения актуально изучение экспрессивных возможностей различных типов конструкций. Бесспорный интерес в этом плане представляют конструкции полипредикативные (из трех и более предикативных единиц - ПЕ).

Основная задача статьи - отметить признаки экспрессивности в стилизованных полипредикативных построениях русской художественной прозы.

Оговорим принятое понимание стилизации, экспрессивности, а далее охарактеризуем выделяемые группы конструкций.

Под стилизацией вслед за А. И. Ефиновым понимаем "переклечение автора на стилистическую систему, типичную для людей определенной социальной среды и эпохи".¹ Разговорно-стилизованную конструкцию определяем как элемент художественного текста, воспроизводящий особенность разговорной речи и "имеющий типовой стилистическое значение имитируемой сферы речевого общения".² В нашем материале широко отражены такие разговорные особенности, как наложение, незамещение, вклинивание, несколько уже - конструкции добавления и некоторые другие.

Кроме наименования "стилизация", взаимодействие художественной и непосредственной разговорной речи характеризуют и иными обозначениями ("переработка" разговорной речи, представление, воспроизведение, имитация, типизация). При этом иногда подчеркивается: "Речь персонажей художественного произведения является не фотографией естественной разговорной речи и не стилизацией ее, а типизацией".³

Подобные различия в подходах представляются скорее взаимодополняющими, чем взаимоисключающими. Цель стилизации - воспроизведение особенностей той или иной стилистической сферы. Типизация же (по Т. В. Лигуте, отбор наиболее характерных признаков) - способ суммирования стилизации.

Обратимся к понятиям экспрессии и экспрессивности. Они истолковываются более разноречиво. На основе положений В. К. Харченко "под экспрессией понимается заведомое смещение каких-либо стандартов, закрепленное в языке или возникающее в речи".⁴

Экспрессия и экспрессивность терминологически почти не размежевываются. Чаще понятие экспрессивности имплицитно обнаруживается в сочетаниях типа "экспрессивные средства", "экспрессивная лексика" - они толкуются как средства, несущие экспрессию. Это дает основание признавать экспрессивность свойством в отличие от экспрессии - качества единицы, связанного со смещением стандартов.

Обратимся к группировке материала, опираясь на классификационный признак "способ выражения экспрессии". Как указывает Н. И. Формановская, "формальное устройство экспрессивных сложных предложений (...) складывается из трех групп признаков: 1. Предложения, в которых экспрессия задается стилистическим элементом. 2. Предложения, в которых экспрессия создается особым взаиморасположением элементов, архитектурной структурой (...). 3. Предложения, в которых экспрессия создается подчеркнутой ритмомелодической структурой".⁵

Рассмотрим первую группу, где экспрессия связана со стилистическим элементом - с определенным замещением, наполнением позиций. В полипредикативных конструкциях разговорное "смещение" проявляется в трех основных особенностях наполнения позиций: расширении их сочетаемости, в особенностях замещения и в явлении прерванности. Соответственно различаются три подгруппы случаев.

Коснемся 1-й подгруппы - расширения сочетаемости в полипредикативном построении. Расширение может определяться количественными или качественными признаками. Увеличение объема построения до девяти и более ПЕ - одна из тенденций разговорного синтаксиса. Такое образование отличается специфическими связями частей, противопоставляется полипредикативным конструкциям кодифицированного языка, например, периоду, и именуется цепочкой, комплексом, соположением единиц. При стилизации подобные объединения дают широкие возможности комбинировать ПЕ различной семантической структуры, целеустановки. Связь между этими ПЕ гораздо теснее, разветвленнее и иерархичнее, чем между самостоятельными предложениями. Так передается, например, единство фрагментов сложной ситуации и ее преломления в сознании. Показательно описание в повести В. Ерашова "Там, где рычит река" (ребенок, чуть не утонувший в реке, спасающие его взрослые и потрясенная этой картиной женщина-повествователь). Оно включает 56 ПЕ, (см. отрывок: ... почему Степашка мчится, когда ему надо стоять, почему его не догонит Наталья Александровна, ... почему, господи, я сижу, встань, беги туда, (...) как хорошо, что у нас нет ребенка). Тесная связь ПЕ, их взаимопереходы оказываются одним из средств речевой характеристики эмоциональной рассказчицы.

В данной же, первой, подгруппе расширение сочетаемости может носить и чисто качественный характер. Ин многообразных разновидностей укажем две: расширение, связанное с предикативными категориями (модально-временной план и персонализация), и снятие ограничений в лексико-синтаксической сочетаемости.

Расширение сочетаемости предикативных значений иллюстрирует конструкция, в которой одна из придаточных имеет относительный модальный план ирреальности - побуждения. Побуждение обращено к 1-му лицу, самому говорящему, и при этом ряд придаточных прикреплен к главному союзом ЧТО, выражающим значение реальности: *Где это сказано, что буржуа - человек, а я пошла вон!* (Ю. Герман. Я отвечаю за все). Такое нестандартное взаимодействие семантики реальности и ирреальности складывается только на базе полипредикативной конструкции. Ср. также сочленение разных временных и субъектных планов повествования (зна-

чение настоящего в последней ПЕ относится к одному временному плану, а в предыдущих - к другому, отстоящему от него на 55 лет (... хорошо помню эту зиму, бумажки, жалобы, стрельба, плачущие старухи, мы, мелкие торговцы со столиков на бульваре, смеем заявить, что мы не спекулянты, а что купили, то у нас на столе..., бросаю все, мчусь в станицу Михайлинскую... я сажусь в снег, остальное неинтересно, разве эта сухая, гнутая старушка - она (Ася)? (Ю. Трифонов. Старик; фрагмент построения из 31 ПЕ).

Расширение лексико-синтаксической сочетаемости проявляется разнообразно. Проиллюстрируем один из случаев - соединение неитеративных (несовместимых) ПЕ: *И именно эта-то неуклюжая хитрость больше всего и взбесила его* (Лукашина) *сейчас. Так взбесила, что в кармане ватника карандаш попался - в куски изломал* (Ф. Абрамов. Братья и сестры). Первые две ПЕ сами по себе не итеративны. Отсюда эффект эмоциональной крутизны (термин В. В. Виноградова) при разворачивании построения. Только последняя ПЕ скрепляет конструкцию в единство (они вместе со второй ПЕ подчиняются главной части как комплекс). Условием для экспрессии здесь также оказывается полипредикативность.

Представляет интерес и экспрессия, вызванная наполнением главной ПЕ в конструкциях с приоднокомпонентным соподчинением. Она ярко выражена строениями с такими ПЕ₁, как *не беда, красота, ужас, молодец* и др.: *Хотя работа только началась, молодец, что он приехал* (подчиняющая единица - одно слово, являющееся единственным главным членом, совмещает в себе признаки и подлежащего, и сказуемого). В качестве строительного материала такой однокомпонентной подчиняющей единицы выступают определенные классы слов. Это, во-первых, имена существительные а) со значением оценки лица: *умница, чудаки, дурак*; б) со значением оценки ситуации, предмета, явления, поступка, высказывания: *беда, комар, ужас, грех, красота, прелесть, вздор, стыд*. - *Хотя мы были готовы, стыд, что нам пришлось пережить это!* Во-вторых, это предикативы с положительной оценкой (*хорошо, прекрасно, чудесно, отлично, сногсшибательно, дивно, грандиозно, здорово* и т. д.) и отрицательной оценкой (*гадко, плохо, ужасно, страшно, противно, чудовищно* и т. д.): *Так как мы не были к этому готовы, хорошо, что он ничего не узнал* (В. Дунинцев. Белые одежды).

Обе эти разновидности эмоционально-оценочных ПЕ в составе полипредикативного предложения указанного типа могут распространяться за счет особых интенсификаторов экспрессии. Это местоимения (*какой, такой*), эмоционально-экспрессивные частицы (*что за, вот, ну и, прямо, просто*), прилагательные (*ужасный, настоящий, удивительный* и др.). Эти слова уже не имеют реального предметно-логического значения: *Когда прорвало плотину, просто чудо, что никто не пострадал.* (Из газет).

Экспрессию лутаницы (Б.В. Томашевский) усматриваем в мере, где ПЕ, формально связанные отношениями аналогичности, наполнены взаимоисключающими содержаниями: *Скорей, скорей! полна квартира народу... никого нет* (И. Шмелев. Человек из ресторана). В контексте проясняется невербализованное содержание последней ПЕ: "никого из родных нет". Ср. также экспрессию

противоречий в "Письме к ученому соседу" А. П. Чехова - также на основе полипредикативных моделей.

Приведенный пример находится на границе со второй группой случаев. В ней экспрессия связана с незамечением. Отметим лишь те конструкции, где восполнение не является достаточно ясным. Их существование в значительной мере обеспечивается схемной семантикой полипредикативного предложения. Например, в следующем контексте выделенная фраза не вполне понятна собеседнику: *Бедный, бедный Облат... Коммунист! (...)* Последнюю крошку отдаст (...). Вылезает на другой день из землянки: Облат - одна голова... - Чего - одна голова? - переспросил Михаил. (...) - Убили, звери. Голову человеку отрубили (Ф. Абрамов. Братья и сестры).

Насыщение невербализованной семантикой может приводить к значительной емкости фразы. Тогда она служит не только для речевой характеристики, для приема интригующего изложения (как пример выше). Такое незамечание уже не привязано к речевому окружению и обстановке, оно в отрыве от ситуации приобретает обобщающую функцию. Обобщению, опирающемуся на схему полипредикативного построения, лексическое наполнение придает возвышенный (1) либо иронический (2) характер: (1) *Как не пойдешь, когда партия говорит: надо* (Ф. Абрамов. Братья и сестры); (2) *И поднять темпы. Чтоб в руках все горело. Чтоб мы буквально закидали. Чтоб остальные, как говорится, не успевали оттаскивать* (М. Мишин. Исключения без правил; речь директора на совещании).

Особенность незамечания в полипредикативной конструкции - наизывание цепи однофункциональных ПЕ, в которых названные значения различны и при этом опираются не на конкретный внешний контекст, а на сами вербализованные отрезки: *Лена, плакала, мучилась, обнимала его, шепча, что никогда, никогда, на всю жизнь* (Ю. Трифонов. Обмен); *Мы... разбежались, уверенные, что ненадолго, что вскоре, что непременно и навсегда* (Ю. Трифонов. Время и место).

Остановившись на третьей подгруппе случаев. Экспрессию здесь порождает прерыв. На фоне предыдущей подгруппы очевидны как принципиальные отличия неполных и прерванных конструкций, так и общие их признаки. Экспрессия прерванных конструкций общеизвестна. Полипредикативные схемы примечательны тем, что создают предпосылки для сочетания разных мотивов прерывания, например, перестройки фразы с самоперебивом. Экспрессия при этом осложняется: *С Пашей мы за этот год так друг к другу притерлись, что если его... если с ним... - подумал я и тут же заткнул себе глотку: "Не каркай...!"* (В. Богомолов. Момент истины).

Даже при единственном мотиве прерыва многократное прерывание, возможное главным образом при предикативности, повышает экспрессию многозначительного умолчания. (Оно формирует фигуру речи "прекращение", в терминологии М. В. Ломоносова). См.: *Молчать! если ты хоть пикнешь... если кто-нибудь... если я узнаю... Ты у меня и под землей-то места не найдешь* (И. Тургенев. Накануне). Полипредикативность благоприятствует и такому многократному прерыву, который, при крайней неопреде-

ленности невербализованного значения, все-таки способствует экспрессии обобщения - благодаря семантике схемы, условиям употребления: *Матийцев думал: "Мы копаем уголь, чтобы... официанты как угорелые мечутся, чтобы... румыны играют, чтобы... девицы, наконец, гуляют, чтобы..." - все это вместе составляет человеческую культуру* (С. Сергеев-Ценский. Наклонная Елена).

Наиболее примечателен следующий вывод: материал по-разному соотносится с собственно разговорными построениями. Одни разговорно стилизованные конструкции по своему составу тождественны живым разговорным высказываниям, а отличаются от них характером использования - местом в художественной системе. Другие, храня явные приметы разговорности, в то же время преобразены и структурно; их уже поэтому нельзя представить себе в естественной разговорной стихии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 ЕФИМОВ, А. И.: *Стилистика художественной речи*. Москва 1961, с. 54.
- 2 ВИНОКУР, Т. Г.: *Функционально-стилевая имитация разговорной речи в художественном тексте. Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации*. Орджоникидзе 1983, с. 46.
- 3 ЛИГУТА, Т. В.: *Разговорная речь в художественном тексте* (На материале цикла рассказов М. Горького "По Руси"). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Рига 1975, с. 159.
- 4 ХАРЧЕНКО, В. К.: *Экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность как стилистические категории. Стили языка и стили речи как явления функционально-стилевой дифференциации*. Орджоникидзе 1983, с. 20. Ср. замечание Г. Михеля об "эмоциональном отклонении от определенной нормы" как о сущности экспрессивности (Основы теории стиля. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика. Москва 1980, с. 277), а также положения в работах Ю. В. Ваникова, С. С. Ермоленко, Л. Х. Лустрэ, В. А. Богдановой.
- 5 ФОРМАНОВСКАЯ, Н. И.: *Стилистика сложного предложения*. Москва 1978, с. 137-138. В полипредикативных построениях встречается и сочетание трех вышеназванных признаков экспрессивности: "Ну, если баба, так что, а если мужик - все" (И. Грекова. Кафедра). Ср. мнение другого персонажа повести о таких фразах: "...Сколько надо слов, чтобы перевести на стандартный русский сжатую, энергичную фразу Дарьи Степановны, и как это в конце концов получается плохо". На другом материале эту особенность незамеченный отметил Е. Н. ШИРЯЕВ (*Русская разговорная речь*. Синтаксис. Москва 1981, с. 207). Можно предположить, что полипредикативная конст-

рукция способна оказаться местом "схождения пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции" (АРНОЛЬД, И. В.: *Стилистика декодирования*. Ленинград 1974, с. 45. Автор определяет такую способность у тех или иных отрезков текста).

Так, одна из функций разговорных элементов заключается в том, что они "являются источником разнообразных комических эффектов" (ДЕРЕСКУ, П. С.: *Стилистическая роль устно-разговорных элементов в языке художественной литературы*. Автореферат КД, Кишинев 1986, с. 8). В рассматриваемых построениях эта функция возникает при интеграции таких приемов, как умолчание, неитеративное наполнение ("синтаксический оксюморон") и некоторых других. Можно указать на так называемое языковое предпочтение - неравномерное отражение художниками отдельных групп рассматриваемых конструкций. Например, для одной линии (Г. Успенский. - И. Шмелев. - С. Сергеев-Ценский. - Ф. Абрамов...) характерно такое преломление разговорной стихии, как обилие фраз с повышенной емкостью невербализованной семантики. Другая традиция в отражении разговорных конструкций - нагнетание объемных построений из 9 и более ПЕ.